

Гиссарскій край.

(Очерки горной Бухары).

(Окончаніе) ¹⁾.

гонь костра, разложеннаго среди сада, освѣщаль большое пространство, за которымъ темнота, казалось, сгустилась еще больше. Шипя и загораясь на угольяхъ, капало въ огонь баранье сало жарившагося на шампурахъ пашлыкка, около котораго хлопоталъ Ахметъ, раздувая огонь широкимъ вѣромъ, сплетеннымъ изъ камыша. Постоянное пребываніе на людяхъ, слѣдящихъ за каждымъ шагомъ глазами преданной собаки, до-нельзя утомляло; какъ-то невольно захотѣлось побыть одному у себя въ четырехъ стѣнахъ, внѣ наблюденія окружающихъ. Я уже подумывалъ приказать перенести свои вещи въ одно изъ помѣщеній сакли, какъ гдѣ-то вдали послышались голоса, сопровождаемые топотомъ конныхъ быстро идущихъ иноходью лошадей.

— Урусъ ѣдетъ, тюра, кивнулъ головою хозяинъ, сидѣвшій около костра и внимательно, не мигая, наблюдавшій за каждымъ моимъ движеніемъ.

Мечта остаться одному исчезла, и я уже обрадовался возмож-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 9.

ности повидать русскаго путника, волею судьбы и начальства заброшеннаго въ эту безпросвѣтную глушь Гиссарскаго края.

— Какой урусь, куда онъ ѣдетъ?

— Не знаю, тюра, полканъ-урусь два дня пріѣхалъ. Днем спать, ночью въ трубу смотреть, звѣзды считаетъ, сколько ихъ есть на небѣ.

Заинтересовавшись таинственнымъ звѣздохетомъ, я съ нетерпѣніемъ сталъ всматриваться въ темноту. Лай собакъ, съ ожесточеніемъ бросившихся на проѣзжавшихъ, звонко разносился по окрестностямъ. Нѣсколько мягкихъ гортанныхъ голосовъ какъ будто служили акомпаниментомъ внушительному командирскому баритону, что-то говорившему. Еще нѣсколько минутъ и на краю освѣщеннаго пространства остановилась группа конныхъ, среди которыхъ виднѣлась внушительная фигура старика полковника З., извѣстнаго астронома и геодезиста. Расправляя свои длинные сѣдые усы, онъ всматривался въ открывавшуюся передъ нимъ картину, видимо не узнавая меня.

— Кто здѣсь пріѣхалъ? сердитымъ тономъ уставшаго человѣка спросилъ онъ.

— Полковникъ изъ Сарая, предупредительно подскочилъ къ нему джигить.

— А, это вы, Д. Н.? Вотъ счастливая встрѣча! обрадовался З., слѣзая съ лошади. Радъ васъ видѣть. Какимъ это вѣтромъ васъ занесло? Не чайль, не гадалъ здѣсь своего встрѣтить.

Въ свою очередь я очень обрадовался З., съ которымъ судьба не разъ насъ сводила въ разныхъ пунктахъ Средней Азіи.

— Какъ разъ къ ужину подѣхали, отвѣтилъ я, пожимая руку этого симпатичнаго человѣка, прожившаго у меня въ Сараѣ (года два тому назадъ) нѣсколько дней. Отлично вмѣстѣ закусимъ. Есть консервы, шашлыкъ и пилау.

— Да и у меня есть кое-какіе запасы. Хотя я и рассчитывалъ добраться до Дюшамбе, но теперь охотно перекушу, поболтаю съ вами и, разумѣется, останусь здѣсь на ночлегъ, сдѣлавъ предварительно свои наблюденія, добавилъ З., вынимая изъ кожанаго чехла какой-то ящикъ съ оказавшимся въ немъ астрономическимъ инструментомъ, тотчасъ же водвореннымъ на поданный казакомъ треножникъ, и повѣсивъ тутъ же на стѣнкѣ нѣсколько хронометровъ. Начавъ тотчасъ же наблюденія, полковникъ, какъ вьюнь, вертѣлся между своей трубой и записной книжкой, положенной на табуретку, съ поставленнымъ около кибитки огаркомъ свѣчки въ стеклянномъ фонарѣ, скупо дававшимъ свѣтъ. Отсчитывая какіе-то

углы и бормоча цифры, З. записывалъ ихъ въ книжку и затѣмъ снова бросался къ трубѣ.

— Видите ли, какъ разъ время, и потому нельзя ни одной минуты пропустить, скороговоркой сообщалъ онъ мнѣ, изрѣдка отрываясь отъ работы. Днемъ же всегда уже все выкладки и вычисления заканчиваю.

Добрый часъ прошелъ, пока увлекшійся своими цифрами ученый вспомнилъ о необходимости подкрѣпиться, закрылъ свою книжку; затѣмъ, осторожно снявъ инструментъ, спряталъ его снова въ ящикъ.

— Теперь будемъ ужинать... весело подошелъ онъ ко мнѣ, присаживаясь на кошмѣ и, вытянувшись, подложилъ подъ бокъ небольшую сѣдельную подушку. Отличный знатокъ края, прослужившій въ немъ почти сорокъ лѣтъ, З. былъ его живой исторіей, помня все событія и людей, прошедшихъ передъ глазами за время его долгой службы. Личное знакомство съ большинствомъ средне-азиатскихъ дѣятелей дѣлало его рассказы особенно пѣнными и интересными. Живыя, яркія характеристики во весь ростъ обрисовывали сошедшихъ со сцены лицъ. Они казались живыми въ мастерской обрисовкѣ рассказчика. Генераль-губернаторы, политическіе агенты и всякія прикосновенныя къ Бухарѣ лица смѣнялись въ огромномъ калейдоскопѣ.

— Эхъ, жаль, времени нѣтъ, да и перомъ не владѣю, вздохнулъ старикъ съ сожалѣніемъ на мое замѣчаніе, что такъ много интереснаго не попадаетъ въ печать. Мало ужъ насъ осталось, старыхъ туркестанцевъ, что съ самаго завоеванія въ краѣ живутъ. Больше теперь сюда попадаютъ гастролеры на три года, а потомъ удираютъ обратно, получая высшее назначеніе въ Европейской Россіи. Прежде какъ то больше привязывались къ краю и изъ такихъ офицеровъ и чиновниковъ вырабатывался симпатичный типъ степняка — стараго туркестанца. И отношенія въ Бухарѣ были другія. Позднѣе иное направленіе появилось: пріѣхали, получили что нужно и назадъ. А въ бухарскихъ дѣлахъ прямо грустныя картинки встрѣчались...

— Да неужели все такъ? удивился я.

— Ну, конечно, были хорошіе честные люди, но все таки тонъ былъ данъ В.; съ его легкой руки и пошло. Слишкомъ ужъ беззащитно работала состоявшая при немъ, трудно сказать въ качествѣ чего, знаменитая въ исторіи Туркестана, миссъ-Хоръ, та самая, о которой шутники сложили:

«Въ славномъ городѣ Ташкентѣ
 Проживаетъ мистрисъ-Хоръ
 Человѣкъ—иль обезьяна,
 Неизвѣстно до сихъ поръ».

Самъ В. дѣлами занимался мало, а она распоряжалась, какъ хотѣла. Бывало подарковъ отъ эмира раза три въ годъ столько привозили, что въ пріемной генерала она потомъ базаръ, вродѣ дешевки, устраивала. И въ тоже время мой пріятель, покойный кашгарскій консулъ, Н. Петровскій, всегда клятвенно увѣрялъ, что каждая бумага, касавшаяся нашихъ дѣлъ въ Средней Азіи, черезъ самое короткое время дѣлалась извѣстною въ Лондонѣ.

— Напортила за это время много, сердито почти крикнулъ З. И это послѣ того періода, когда нашъ престижъ стоялъ среди мусульманъ такъ высоко, благодаря П. И. Лессару! Вѣдь, посудите сами, когда полковникъ Громбчевскій въ 1890 г., во время своего путешествія, попалъ въ Кунжутъ, то кунжутцы просили его о принятіи въ русское подданство. А знаменитый Юнгенсбендъ, посѣтивъ за нимъ слѣдомъ Кунжутъ, при передачѣ хану кунжутскому приглашенія англійскаго правительства посѣтить Индію, услышалъ отъ хана совершенно неожиданно такой отвѣтъ:

«Мой покровитель—Великій Императоръ Александръ III—и я, мы въ Индію не ѣздимъ».

Но мы не поддержали этого движенія въ пользу Россіи, и въ возмездіе за такія дерзкія рѣчи англійскій подполковникъ Дюранъ въ 1891 г. занялъ всю страну, низложивъ дерзкаго хана...

За разговорами мы не замѣтили, какъ прошло время; часъ ужъ былъ поздній. Сидя на кошмѣ, я уже давно чувствовалъ сильный зудъ на всемъ тѣлѣ, но, заслушавшись интереснымъ разговоромъ, не обращалъ на это вниманія. Теперь же, при свѣтѣ вспыхнувшей спички, я къ своему ужасу увидѣлъ, что все платье мое было покрыто громаднымъ количествомъ блохъ, весело гурьбою прыгавшихъ по всѣмъ направленіямъ.

— Посмотрите, полковникъ, вѣдь насъ здѣсь буквально живьемъ съѣдятъ, вскочилъ я моментально на ноги, начавъ отряхиваться.

— Кто съѣстъ? удивился старикъ, раскуривая толстую папиросу и видимо находясь самъ подъ впечатлѣніемъ своихъ воспоминаній о далекомъ прошломъ.

— Блохи. Вѣдь ихъ здѣсь тысячи, сообщилъ я, снимая китель.

— Это скверно, задумчиво отвѣтилъ З. Дѣйствительно я отъ кого то слышалъ, что здѣсь ихъ въ лѣтнее время очень много, но не подозревалъ увидѣть такое количество.

Встряхнувъ всё свои вещи, мы устроились на плоской крышѣ сарая, но и здѣсь вся ночь прошла въ непрерывной борьбѣ съ злыми насѣкомыми. Лишь подѣ утро, совершенно измученные, мы заснули тяжелымъ сномъ на самое короткое время.

Глава VI.

Дожди.—Отношеніе мусульманскаго духовенства.—Веселый домъ.

Огромное количество воды, приносимое рѣками Сурханомъ, Каферниганомъ и ихъ многочисленными притоками, разливающимися по всей равнинѣ, образуя массу заболоченныхъ пространствъ, и буквально тропическіе ливни, выпадающіе въ лѣтнее время въ Гиссарской долинѣ, въ связи съ жаркою температурою, способствуютъ тому, что во всемъ Гиссарскомъ краѣ особенно многочисленны всевозможныхъ видовъ насѣкомыя, рождающіяся вслѣдствіе обильныхъ испареній въ несмѣтномъ количествѣ. Блохи, комары, скорпионы, тарантулы, фаланги являются положительно бичемъ для населенія, которое за эти мѣсяцы обыкновенно оставляетъ свои кишлаки и города и переселяется на возвышенности, въ горы, на лѣтовки, вмѣстѣ со своими стадами.

И тогда весь этотъ населенный край какъ будто вымираетъ, вмѣня видъ полнаго запустѣнія. Всѣ улицы Гиссара и кишлаковъ заростають колосальныхъ размѣровъ травами и бурьяномъ, закрывающими совершенно всадника.

Змѣи, сколопендры, полозы и ящерицы, выползающіе изъ всѣхъ норъ, остаются долгое время хозяевами садовъ, до времени созрѣванія фруктовъ, когда, по необходимости, лишь небольшая часть людей возвращается (переживая невзгоды) заниматься сборомъ и сушкою фруктовъ, устраивая на это время высокіе помосты на столбахъ, чтобы хоть немного предохранить себя отъ нападеній безчисленныхъ враговъ.

Плохо выспавшіеся, съ до крови расчесанными тѣлами, поднялись мы утромъ, съ тяжелыми головами. Настроеніе было отвратительное. Наскоро проглотивъ по стакану чая, мы тотчасъ же двинулись дальше, вспоминая ужасную ночь, проведенную въ этомъ кишлакѣ. Небо было покрыто темными тучами, низко нависшими надъ землей, и какъ будто бы для того, чтобы мы испытали всё прелести жизни этихъ мѣсть въ лѣтнее время, застучали по землѣ крупныя капли дождя и затѣмъ дождь хлынулъ, какъ изъ ведра. Едва успѣвъ накинуть на плечи бурку и надѣвъ на голову башлыкъ,

мы ѣхали, окруженные густою стѣною дождя, черезъ которую положительно ничего не было видно. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ вездѣ вокругъ образовались цѣлыя озера, по которымъ, разбрасывая брызги и грязь, медленно шли наши лошади.

Арыки, наполнившіеся до верха, съ шумомъ несли массу воды, выливавшуюся черезъ берега, а тропинка, протоптанная глубоко въ землѣ, превратилась въ широкій быстрый потокъ, по которому неслись клячья грязной пѣны, сухой бурьянъ и какіе-то корни.

Разговоры сами собою прекратились, и мы ѣхали молча, прислушиваясь къ страшнымъ раскатамъ грома, какъ будто сотрясавшаго всѣ окрестныя горы. Длинные яркіе зигзаги молній разсѣкали темныя тучи и, вспыхивая ослѣпительнымъ блескомъ въ одной сторонѣ неба, протягивались до конца горизонта, освѣщая на мгновение верхушки горъ. Иногда казалось, что молнія ударяла въ землю гдѣ то совсѣмъ близко. Лошади пугливо храпѣли и шли крайне неохотно. Скопленіе электричества было огромно, и рѣдко кому удавалось видѣть такую грандіозную картину, которая открывалась передъ нашими глазами. Съ насъ вода стекала ручьями и бурка, намкнувъ, сильно тянула плечи. Закутавшись въ желтые суконные халаты, надѣтые сверхъ обыкновенныхъ, нукеры и джигиты плелись также понуро, прекративъ обычные разговоры. Со всѣхъ сторонъ виднѣлась (лишь на близкомъ разстояніи) густая растительность небольшихъ кишлаковъ, густо покрывающихъ равнину, всю изрѣзанную арыками, орошающими обработанныя поля.

Увязая въ топкой почвѣ, мы ѣхали со скоростью 3—4 версты въ часъ и поэтому лишь къ обѣду прошли небольшое разстояніе, 18—20 версты, до Дюшамбе, гдѣ я и не рассчитывалъ останавливаться, но волей неволей приходилось заѣхать, чтобы переждать разыгравшуюся непогоду подъ кровомъ и, хорошенько обсушившись, привести свой багажъ въ порядокъ передъ труднымъ путешествіемъ въ горахъ по рѣкѣ Варзобъ-Даръѣ, составляющей одинъ изъ главныхъ притоковъ рѣки Кафернигана.

Измокшіе, усталые, мы слѣзли съ лошадей во дворѣ амляклара, и тотчасъ же въ помѣщеніи около желѣзной печи, разогрѣтой почти до красна, началась сушка платья и вещей. День тянулся страшно долго. Дождь лилъ не переставая; въ комнатѣ было душно, не смотря на раскрытыя на террасу три двери. Побесѣдовавъ съ амлякдаромъ, пообѣдавъ и еще разъ выпавшись, мы чувствовали себя какъ будто арестованными. Ритмическій стукъ дождя навѣвалъ какую то тоску, а невозможность двинуться дальше крайне непри-

ятно дѣйствовала на настроеніе. Юркій татаринъ, переводчикъ Гиссарскаго бека, изъ силъ выбился, стараясь услужить и хоть чѣмъ нибудь оживить однообразіе длиннаго дня.

— Можетъ быть полковникъ хочетъ съ муллою поговорить? Очень интересно. Древній старикъ.

— Ну, хорошо: зовите муллу, согласились мы, и черезъ нѣсколько минутъ къ намъ входилъ красивый старикъ съ серебряною бородой и бирюзовыми, будто выцвѣтшими, добрыми глазами.

— Селямъ алейкюмъ. Радъ въ добромъ здоровѣ видѣть знатныхъ урусовъ, сказалъ онъ, неловко садясь на предложенный стулъ.

— Не можетъ ли почтенный имамъ намъ что либо рассказать о здѣшнихъ мѣстахъ?

— Нѣтъ, тюра, я человекъ новый въ городѣ. Приѣхалъ съ амлякдаромъ моимъ родственникомъ и ничего не знаю. Вся жизнь прошла въ чтеніи писанія и молитвахъ Всемогущему и Его пророку. Служилъ людямъ, чѣмъ могъ, но теперь уже становлюсь старъ и все забываю, я скорблю лишь о томъ, что люди враждуютъ постоянно между собой.

— Но развѣ это не должно быть? Вѣдь по закону правовѣрные должны относиться со враждою къ невѣрнымъ? спросилъ я, желая услышать мнѣніе представителя духовенства этихъ дальнихъ мѣстъ.

— Нѣтъ, тюра, это не такъ. Великій пророкъ сказалъ совершенно иныя слова.

«Скажи: мы вѣруемъ въ Бога и въ то, что Онъ послалъ намъ, въ то, что Онъ открылъ Аврааму, Измаилу, Іакову и двѣнадцати колѣнамъ; мы вѣруемъ въ святыя книги, которыя Моисей, Иисусъ и пророки получили съ неба; мы не дѣлаемъ между ними никакой разницы»²⁾. Какъ видишь, онъ не раздѣляетъ людей по ихъ вѣрѣ. Всѣ имѣющіе писаніе для него одинаковы. Пусть проститъ тюра стараго человекъ, мнѣ нужно идти молиться, заторопился имамъ, прощаясь.

Мы просидѣли нѣсколько минутъ молча, обдумывая сказанное, и только что хотѣли подвергнуть вопросъ обсужденію, какъ переводчикъ вновь уже выросъ передъ нами и, видимо желая во что бы то ни стало насъ развеселить, выступилъ съ новымъ предложеніемъ.

— Можетъ быть господа хотятъ посмотрѣть нашихъ джелябъ³⁾?

— Джелябъ? удивился не понимавшій по узбекски З. Что это такое?

²⁾ Коранъ. Глава 3, стихъ 78.

³⁾ Публичная женщина

— Джелабъ это веселыя дѣвушки для всѣхъ людей, пояснилъ татаринъ, и тутъ же для ясности перевелъ ихъ цензурное названіе, существующее на русскомъ языкѣ.

З. вначалѣ возмущился, но затѣмъ быстро успокоился.

— Что же, давайте, пожалуй, посмотримъ, нерѣшительно сказалъ онъ, немного конфузясь. Вѣдь такъ только; хотя какъ то мнѣ на старости лѣтъ и неловко, но я съ этимъ совершенно не знакомъ.

Я также изъявилъ согласіе, рассчитывая познакомиться съ новыми для меня картинками туземной жизни.

Накинувъ бурки на плечи и увязая по размокнувшей почвѣ, мы двинулись по узкимъ улицамъ города за нашимъ проводникомъ, все время предупредительно указывавшимъ каждую лужу и яму.

— Нехорошій городъ; нашъ Гиссаръ лучше, выражалъ онъ свое презрѣніе къ Дюшамбе, забывая совершенно, что Гиссарскія улицы ничѣмъ, въ сущности, кромѣ ширины, не отличаются отъ Дюшамбскихъ.

— Теперъ близко, сейчасъ придемъ. Онъ остановился, наконецъ, около высокихъ воротъ и, взявъ валявшуюся на землѣ палку, началъ съ ожесточеніемъ стучать ею по доскамъ.

Подозрительнаго вида пожилой узбекъ выглянулъ изъ калитки и, увидѣвъ насъ, остановился въ нерѣшительности.

— Скажи своимъ бабамъ, что русскіе тюры къ нимъ въ гости пришли, да живѣе поворачивайся, строго приказалъ переводчикъ и сейчасъ же, обратившись къ намъ, добавилъ: а, господа, можетъ быть пока мечеть посмотреть.

Это странное сочетаніи божественнаго и грѣховнаго заставило насъ расхохотаться.

— Что же, пойдете смотрѣть мечеть, рѣшилъ З. Лучше, чѣмъ стоять подъ дождемъ.

Сѣрая постройка старинной мечети съ небольшимъ дворикомъ, заросшимъ деревьями, была типичнѣйшей постройкою, не отличаясь ничѣмъ отъ всѣхъ старыхъ мечетей ханства. Полутемное помѣщеніе съ почернѣвшими куполами и изгрызенными временемъ стѣнами, было мрачно и непривѣтливо. Старыя кошмы и циновки покрывали полъ. Домъ молитвъ производилъ впечатлѣніе какого-то запустѣнія.

Видимо, когда-то, въ лучшія времена, куполь внутри былъ украшенъ лѣпною работою, но съ производствомъ позднѣйшихъ поправокъ, вся лѣпка была замазана ровнымъ слоемъ алебаstra, и лишь кое-гдѣ выдѣлялись слѣды какого-то орнамента и надписи.

Съ одной стороны виднѣлось нѣсколько бунчуковъ съ конскими хвостами, поставленныхъ около ниши, да бронзовый древней формы высокій свѣтильникъ, покрытый огромнымъ слоемъ сала и масла, указывали, что здѣсь находится могила какого-либо уважаемаго населеніемъ святого.

— Какъ плохо здѣсь смотрятъ за мечетью. Это не то, что наши церкви, замѣтилъ я, нарушая молчаніе.

— Это лишнее, тюра, неожиданно прозвучалъ сзади насъ чей-то голосъ, обернувшись на который, мы увидѣли стараго узбека съ ястребинымъ носомъ и хищными, какъ у птицы, глазами.

— Для Аллаха не нужно помѣщеніе—молитву ему можно совершать въ каждомъ мѣстѣ, продолжалъ онъ, непріязненно глядя на насъ. А мечеть служить должна лишь для собранія правовѣрныхъ и укрытія ихъ отъ солнечныхъ лучей и непогоды. Урусы, какъ идолопоклонники, забывшіе писаніе пророка Исы, этого понять не могутъ, уже уходя, добавилъ онъ, еще разъ окинувъ насъ враждебнымъ взглядомъ.

— Глупый человѣкъ, засутился переводчикъ, чтобы разсѣять невыгодное впечатлѣніе... Онъ русскихъ не любитъ, этотъ человѣкъ. Пусть господа не обращаютъ вниманія на его слова. А теперь можно уже идти и къ джелябъ, неожиданно перевелъ онъ разговоръ съ непріятной темы.

Перейдя улицу, мы черезъ маленькую калитку вошли на небольшой дворъ, окруженный широкими террасами.

Высокая, полная старуха, одѣтая въ шелковый халатъ, и прежній узбекъ съ почтительными поклонами встрѣтили насъ при входѣ.

— Прощу тюрей подъ нашу кровлю, привѣтливо обратилась къ намъ старуха, указывая на двери внутрь одного изъ помѣщеній. Мои дѣвушки рады служить дорогимъ гостямъ, указала она на двухъ женщинъ, сидѣвшихъ и слегка привставшихъ при нашемъ входѣ.

Довольно большая комната съ поломъ, застланнымъ полосами яркихъ цвѣтовъ, и стѣнами, увѣшанными коврами и вышивками, имѣла видъ довольно нарядный. На коврѣ около низенькаго столика, на которомъ поставлены были различныя сласти, сидѣли мѣстные очаровательницы.

Одна изъ нихъ высокаго роста, стройная, худошавая, съ бѣлымъ красивымъ лицомъ и бархатными огромными глазами, была очень красива въ своемъ ярко красномъ халатѣ, увѣшанномъ серебря-

ными украшеніями; другая съ грубыми чертами и косыми глазами, толстая, неповоротливая, являлась типичной киргизкой.

Нѣсколько человѣкъ мѣстныхъ купцовъ сидѣли тутъ же по стѣнамъ, вставъ при нашемъ входѣ и отвѣсивъ почтительные поклоны.

Мы присѣли невдалекѣ около стѣны, попросивъ всѣхъ садиться. Почти сейчасъ же намъ подали чайники зеленого чая и поставили передъ нами нѣсколько тарелокъ съ мѣстными сладостями.

— Это все хушторы (поклонники) вотъ той Анаргуль, гранатовый цвѣтокъ, какъ ее называютъ, сказалъ переводчикъ. Многіе здѣсь почти весь день проводятъ. Въ другихъ помѣщеніяхъ еще есть джелябъ, но тѣ не такъ красивы и поэтому дешевыя и меньше подарковъ отъ людей получаютъ.

— Можетъ быть тюра желаетъ послушать, какъ Анаргуль поетъ? спросила старуха, прислушивась къ словамъ переводчика.

Мы изъявили согласіе.

Анаргуль, посмотрѣвъ на насъ искоса своими красивыми глазами, протянула руку и взяла лежавшій около нея инструментъ съ четырьмя струнами и длиннымъ грифомъ, носящій названіе дутаръ (гитара), и, взявъ нѣсколько дребезжащихъ аккордовъ, довольно пріятнымъ груднымъ голосомъ запѣла какую-то веселую пѣсню съ однообразными припѣвами, бросая порою кокетливые взгляды то въ нашу сторону, то на сидѣвшихъ у противоположной стѣны туземцевъ, восторженными восклицаніями сопровождавшихъ ее пѣніе.

Присѣвъ невдалекѣ отъ насъ, старуха то предлагала намъ чай, то подвигала ближе сласти.

— Не правда ли, тюра, моя Анаргуль поетъ, какъ птичка? съ гордостью замѣтила она, когда пѣсня была окончена.

— Почему ханумъ называетъ ее своей?

— Да вѣдь Анаргуль моя дочка, снова заговорила старуха: я ее здѣсь родила и выходила, когда сама молодой и красивой джелябъ была. Только не знаю, который изъ баевъ (что у меня чайхурами были) ей отцомъ приходится, размѣялась она. Всѣ отцами считаются.

— Развѣ такъ хорошо быть джелябъ? спросилъ я, рассматривая Анаргуль.

— Да, тюра, жизнь свободная, веселая—сама себѣ госпожа. Что хочеть дѣлаетъ. Съ кѣмъ хочеть идетъ. Не надо лица закрывать, когда среди людей ходишь. Лишь требуется, чтобы въ

мужскомъ халатѣ на улицу выходила. А замужней женщинѣ плохо. Сиди взаперти всю жизнь, не имѣй своей воли и никакого желанія не можешь исполнить безъ согласія мужа. Теперь, пока молодая, всѣ все для нея дѣлають, подарки носятъ, разговоры пріятные говорятъ, а она наряжается, играетъ на дутарѣ и поетъ—потому что на душѣ весело...

Заглянувъ въ другія помѣщенія, гдѣ встрѣтились такія же точно картины, и прослушавъ еще нѣсколько пѣсенъ, я, давъ денегъ, послалъ за пивомъ, конфектами и папиросами.

Старуха, разсыпавшись въ благодарностяхъ, сдѣлалась еще болѣе привѣтливой и, присѣвъ около насъ, приказала что-то одному изъ прислуживавшихъ мужчинъ, и черезъ нѣсколько минутъ появились блюда дымящагося плова.

Принесенное пиво и бутылка еврейской водки, разлитые по стаканамъ, развязали языки и уничтожили окончательно нѣкоторую принужденность. Разговоры сдѣлались громче. Струны дутаря звенѣли, а пѣсня смѣняла пѣсню. Глядя на насъ своими красивыми, съ оттѣнкомъ суровости, глазами, хозяйка порою кидала ласковые взгляды на свою красавицу дочь, видимо, постоянно любуясь ею.

— Ты удивляешься, тюра, что я и моя дочь и другія промѣняли жизнь замужемъ, на эту—веселую? Если хочешь, я тебѣ расскажу, какъ я ее начала.

Родилась я въ хорошей семьѣ, богатой, невдалекѣ отъ Гиссара. Отецъ мой былъ мингъ-баши и имѣлъ стада, лошадей, пашни и дворы. Однѣхъ кибитокъ больше десяти. И росли мы съ сестрами, какъ степной цвѣтокъ весной, въ полномъ довольствѣ, не зная ни печали, ни заботъ. Какъ горныя козочки рѣзвились мы около нашихъ кибитокъ, получая подарки и ласки отца, очень любившаго своихъ маленькихъ козъ. Цвѣтныя ленты, бусы, серебряныя украшенія, разныя пахучія мыла дарилъ онъ мнѣ, какъ старшей, превращавшейся изъ дѣвочки въ молодую дѣвушку.

Заплетя свои волосы въ мелкія косы и нарядившись въ лучшее платье, видѣла я лишь нашихъ близкихъ родственниковъ, женщины которыхъ приходили къ матери и другимъ женамъ отца. Ъли конфекты, пили чай, пѣли пѣсни. Мать моего отца давно умерла и моя мать, какъ первая жена, была старшею среди женщинъ. И въ этомъ было счастье всей семьи, о чемъ я узнала лишь впоследствіи.

Въ двѣнадцать лѣтъ я была высокая, красивая, вся такая же, какъ моя Анаргуль, а осенью моя мать сказала мнѣ, что отецъ

отдаетъ меня въ жены сыну стараго купца Назарь-бая изъ Регара. Послѣ уразы былъ нашъ нисахъ, и я переѣхала въ домъ моего мужа въ Регаръ; съ этого времени кончились мои веселые дни, а началась моя тяжелая жизнь.

Нельзя уже было бѣгать свободно по степи, любуясь и играя съ тюльпанами, колокольчиками и срывая пышные махровые маки. Видъ горныхъ ущелій, покрытыхъ лѣсами, и снѣговья горы и солнечный закатъ, которыми я любовалась прежде, для меня были закрыты высокими стѣнами нашего дворика. Веселый звонъ ручьевъ и стрекотаніе кузнечиковъ смѣнились тишиною и криками двухъ старшихъ женъ моего мужа.

Меня давили темныя стѣны дома, хотѣлось снова видѣть просторъ полей, слышать пѣніе жаворонковъ, чувствовать ласки матери, звонкимъ голосомъ перекликаться съ моими сестрами... А мужъ мой, занятый цѣлый день въ своей лавкѣ торговлею, приходя лишь вечеромъ, совсѣмъ не говорилъ со мною, лишь лаская мое юное тѣло и не заглядывая въ мою душу. Не могли старшія жены спокойно видѣть, какъ нашъ господинъ чаще бросалъ взглядъ на меня, младшую, чаще приносилъ мнѣ конфеты, подарки. Стали онѣ вдвоемъ мучить меня, заставляя выполнять всякую работу въ домѣ; щипали, рвали волосы, бранили, и я, лишь уйдя въ свое помѣщеніе, орошала подушку слезами. Жаловаться мужу боялась—сказали, что сживуть со свѣта, если ему что скажу. Не давали мнѣ ѣсть; безъ мужа я голодала часто. Къ концу же года, видя, что я не беременна, рѣшили меня извести, для чего подсыпали какого то зелья въ пищу, и я стала сильно болѣть. Тогда и мужъ охладѣлъ ко мнѣ, и началась такая жизнь, что я просила и молила Аллаха послать ко мнѣ Азраила скорѣе, чтобы принять мою измученную душу. И часъ воли Аллаха насталь, но не такъ, какъ я ожидала: на байгѣ, упавъ съ лошади, убился мой мужъ, а я осталась вдовою.

Ты, тюр, самъ видишь, что я, получивъ избавленіе отъ мукъ, не захотѣла начать снова ту же жизнь въ домѣ другого мужа; хотя отецъ и хотѣлъ меня отдать другому. Я выбрала себѣ жизнь, сдѣлавшись джелябъ. Жаль мнѣ было заставить Анаргуль испытать тѣ же муки. Живемъ мы съ ней въ довольствѣ и на свободѣ.

Между тѣмъ посѣтители прибывали и, усаживаясь, принимались за чаепитіе. Общая картина давала впечатлѣніе, что мы находимся въ какомъ то своеобразномъ туземномъ клубѣ.

Д. Логофетъ.

